

241981

ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

С. НИГОЛЬ

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ФОНЕТИКА ГОВОРА ХАРГЛА
КОНСОНАНТИЗМ**

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Diss. Tart.
333896

ТАРТУ 1959

ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

С. НИГОЛЬ

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ФОНЕТИКА ГОВОРА ХАРГЛА
КОНСОНАНТИЗМ**

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

ТАРТУ 1959

Диссертация выполнена при кафедре эстонского языка Тартуского государственного университета. Научный руководитель: проф. И. Вески, действ. член АН Эстонской ССР, заслуженный деятель науки ЭССР.

Защита назначена Ученым Советом историко-филологического факультета ТГУ на 24. VI . . . . 1959 года.

Дата отправления автореферата 25. V . . . . 1959 г.

Ученый секретарь:

M. Maaraag

2

Tartu Riikliku Olukorrad
Raamatukogu

425811

Эстонский язык, как и целый ряд других языков, не располагает достаточным количеством письменных памятников, причем сохранившиеся памятники относятся к сравнительно позднему времени. Именно поэтому основным методом изучения истории эстонского языка было и остается исследование эстонских территориальных диалектов, их взаимоотношений и взаимосвязей.

С точки зрения диалектологии территория Эстонии делится на две сильно отличающиеся друг от друга части — на северную и южную Эстонию. Это диалектное дробление территории Эстонии обусловлено древними племенными границами, причем можно предположить, что два основных эстонских диалекта восходят к особым древним прибалтийско-финским племенным языкам. Позже эти языки, в результате особых исторических условий их существования, сблизились между собою. Преобладающим, господствующим диалектом стал язык северной Эстонии, который и лег в основу современного эстонского литературного языка. Южноэстонский диалект употребляется в настоящее время лишь как средство местного общения, но сфера его применения постепенно все более сужается, т. к. диалектные средства общения заменяются вытесняющим их литературным языком.

Появившиеся в печати научные диалектологические исследования, затрагивающие вопросы исторической фонетики эстонского языка, построены преимущественно на материале северноэстонского диалекта — описания системы говоров южной Эстонии имеются лишь в рукописном виде. Печатные статьи, появившиеся за это время на страницах нашей периодики, касаются лишь отдельных вопросов изучения южноэстонского диалекта.

Настоящая работа представляет собою по существу первую попытку изучения одного из южноэстонских говоров с позиций исторической фонетики эстонского языка. Автор устанавливает звуковой состав харглаского говора, прослеживает устойчивость, развитие и процесс утраты тех или иных звуков, причем в каждом отдельном случае по мере возможности устанавливается также и причина, вызвавшая то или иное изменение в звуковом составе изучаемого говора. Таким образом, исходя из прибалтийско-финского языка-основы, автор пытается дать полное описание консонантизма говора Харгла, но поскольку согласные выступают также и в роли признаков тех или иных морфологиче-

ских форм, в работе затрагиваются и морфологические проблемы. Изучение харглаского консонантизма происходит на фоне других эстонских диалектов, прежде всего с привлечением фактов из других южноэстонских говоров, причем автор пытается по возможности указывать как на границы распространения того или иного явления, так и на встречающиеся в других прибалтийско-финских языках параллели. Необходимые для выполнения работы материалы собраны автором во время экспедиций, протекавших на различных участках харглаского говора в основном в 1954—1955 гг. — часть материала была собрана несколько раньше, в 1948—1949 гг. Для большей достоверности проводимых записей автор избегал метода прямого опроса, прибегая к приему принужденной беседы с носителями местного говора, благодаря чему удалось собрать и записать немало очень интересного языкового материала.

Объектами диалектной речи служили представители старшего поколения, коренные жители этой местности. Речь молодежи, а также среднего поколения учитывалась в значительно меньшей степени и, прежде всего, с позиций сравнения и сопоставления с речью стариков. При фиксировании и определении границ распространения тех или иных языковых явлений автор использовал богатые диалектологические материалы Института языка и литературы АН ЭССР, а также рукописные диалектные записи кафедры эстонского языка Тартуского государственного университета.

Работа состоит из девяти частей: введения, семи глав (Взрывные, Аффрикаты, Спиранты, Носовые, Сонорные, Полугласные, Палатализация) и заключения — всего 453 страниц. К работе приложен список использованной литературы и образцы речи носителей харглаского говора, записанные на магнитофонную ленту.

В введении дано описание Харглаского прихода, его истории и тех населенных пунктов, в которых собирался использованный в работе диалектный материал.

Мы знаем, что в результате особых исторических условий единицей эстонских диалектов принято считать говор того или иного бывшего прихода ('кихельконд'). Из того же понятия прихода исходят и исследователи материальной культуры, народных традиций и обычаев эстонского народа, несмотря на то, что в настоящее время сами основы административного деления эстонской территории совершенно иные. В целом ряде случаев диалектные границы эстонского прихода совпадают с древними племенными границами, т. к. территориальные диалекты создавались обычно на базе прежних племенных диалектов. Что касается говора прежнего прихода Харгла, то, к сожалению, у нас нет никаких данных, свидетельствующих о той или иной племенной базе этой территориальной языковой единицы. Известно лишь, что сравнительно с другими приходами это до известной степени молодой

приход, т. к. он появился только в 17 столетии и образовался из окраин более древних соседних эстонских приходов.

Харглаский говор по своему географическому положению входит в состав западно-вырусского диалекта, причем на нем говорят в пограничной с Латвией полосе (в районах Выру и Валга) на участке, приблизительно охватывающем 360 км². С севера и запада к территории Харгла примыкает прежний приход Карула, а с востока — приход Рыуге. Заселена в основном центральная часть территории прихода Харгла, причем заселенные пункты располагаются преимущественно вдоль дорог. В северной и южной части прихода преобладают болота и леса. Общение на территории Харгла происходит в основном в двух направлениях: с запада на восток в сторону города Выру или с востока на запад по направлению к городу Валга. И в том, и в другом случае от основной части говора, т. е. от Мынисте до городов Валга и Выру насчитывается около 40 км. Само собою разумеется, что общение поддерживалось прежде всего с ближайшими центрами, в особенности в то время, когда не было автобусного транспорта, а также узкоколейной железной дороги между Валга—Мынисте—Апе. Поэтому еще в недалеком прошлом жители Мынисте ходили на базар только в расположенный на расстоянии 10 км — на территории Латвии — небольшой городок Апе. Все это имеет несомненное значение с точки зрения сохранения традиционной диалектной речи жителей этой местности Эстонии.

Самыми крупными сёлами и населенными пунктами бывшего прихода Харгла являются Койккюла, Лаанеметса, Тахева, Мынисте, Сару и Вастсе-Рооза. Так назывались в свое время те имения — мызы, вокруг которых и образовались вначале небольшие волости, перенявшие названия самих имений. Прежние имения — мызы представляли собою те мелкие единицы, из которых был образован сам приход.

Учитывая диалектные особенности отдельных участков прихода Харгла, автор собирал языковой материал в Мынисте, Тахева и Койккюла. Говор Сару сходен с речью носителей говора Мынисте; жители Лаанеметса говорят так же, как и в Койккюла, в то время как Вастсе-Рооза представляет собою более новый слой диалекта. Согласно дошедшим до нас сведениям, самыми старыми поселениями следует считать Мынисте и Сару, о которых встречается упоминание уже в письменных памятниках XIV века. С точки зрения настоящего исследования особую важность представляют именно говоры Мынисте и Сару, а также речь жителей Тахева.

История заселения территории Эстонии до сих пор еще слабо изучена, в особенности мало уделено внимания заселению южной Эстонии. Поскольку этим вопросом по-настоящему пока еще никто не интересовался, до сих пор не установлены границы древнейшего южноэстонского уезда Уганди, а также входившие в его состав приходы. Не изучена и местная топонимика, на основании

которой можно было бы делать известные предположения также о заселении данной местности. Относительно южноэстонских племен мы имеем лишь известные археологические данные. Так, археологи утверждают, что к началу нашей эры граница расположения эстонских и латышских племен проходила приблизительно на 81 км южнее современной эстонско-латышской границы. К середине первого тысячелетия, а также во второй половине его северный участок Латвийской ССР, примыкающий к современной границе с Эстонией, стал ассимилироваться с соседней латышской средой, причем в языковом отношении ассимиляция протекала значительно медленнее, чем во всех других отношениях. Об этом свидетельствуют сохранившиеся до нашего времени отдельные островки эстонского языка на территории северной части Латвии — так называемый язык лейву и лутси. Других более конкретных данных, касающихся заселения этих мест, у нас нет, но поскольку в расположенных на границе Латвии окрестностях Харгла, Мынисте и Карула не обнаружено никаких древностей, археологи предполагают, что в IX—XII вв. эта территория была еще не заселена. Однако в Мынисте обнаружено несколько древних местных сказаний, которые позволяют предполагать обратное.

Со времени покорения и порабощения Эстонии немцами западная часть Харгла в большей мере, чем другие участки, неоднократно служила ареной, на которой разыгрывались опустошительные войны и походы. За войнами в целом ряде случаев следовали эпидемии, которые уничтожали в свою очередь большую часть местного населения. Так, например, после Северной войны в Харгле умерло от чумы 395 человек. Все это приводило к тому, что поселения становились слабо заселенными — относительно новых, вторичных заселений этих мест не сохранилось сведений.

Слабой изученностью истории заселения территории южной Эстонии еще в большей степени подчеркивается важность и необходимость изучения говора жителей этой части Эстонии, так как история языка находится в тесной связи с историей всего народа или его отдельной части. Анализ диалектной речи жителей Харгла представляет несомненный интерес также и по той причине, что и в соседних с диалектологией и близких ей науках подчеркивается своеобразие и архаичность местности Харгла.

* *
*

Взрывные. Одиночные взрывные в начале слова в харгласком говоре сохраняются, причем в произношении начальных взрывных отражаются специфические древние черты южноэстонского диалекта (*nezèma* вместо *tõusma* 'вставать', *tsilk* вместо *tilk* 'капля'). В заимствованных словах в говоре Харгла обычно сохраняется вся группа согласных (*plāts* 'место'), как и

на всей восточной территории эстонского языка. В середине слова в начале слога взрывные одиночные звуки в соседстве со звонким переходят в медиальный звук (*kodà* < *kota 'место на дворе, где готовят пищу'). В известных условиях взрывные в корне слова удваиваются (*kokku* < *kokohen 'вместе', *makke* < *makeða 'пресный', *maätal* < *matala 'низкий'). В Харгла, как и в других говорах диалекта выру, удвоение происходит также и в форме инфинитива на *-da* (*lukke?* < *lukedak 'читать'), в то время как к западу от Харгла это явление наблюдается уже далеко не всегда (*lukke?* ~ *lugede?*). В положении после глухого согласного взрывные в начале слога сохраняются в таких сочетаниях, как *sk* (*kiiskma* 'рвать'), *hk* (*tuhk* 'зола'), *st* (*vaštàn* 'новый') *ht* (*viht* 'веник'). Целому ряду северноэстонских слов с *ht* соответствуют в южной Эстонии варианты с *tt* (*vat* 'пена'). Сочетание *tk* в харгласком говоре, как и на обширной территории южноэстонских диалектов, ассимилировалось в *kk* (*piik* 'длинный'). Некоторым северноэстонским словам с *tk* соответствуют на юге варианты с *tsk* (*kiiskma* вместо *kitkuma* 'полоть') — аналогичное явление наблюдается также в карельском, вепском языках и в людиковском диалекте. Следует предполагать, что сочетание *tsk* имеет очень древнее происхождение. С точки зрения употребления одиночных взрывных в конце слога говор Харгла, а также соседние говоры Карула и Рыуге отличаются от других говоров диалекта выру. Это отличие заключается в том, что сочетания согласных *kl* и *kr* сохраняют в харгласком, также как в лейвуском говорах, свой первоначальный исходный вид, без вставочного гласного звука, причем сами взрывные в таких сочетаниях не ослабляются (*pekr* вместо *pöder* 'олень'). Вместе с тем, в некоторых словах с первоначальным взрывным в конце слога в говоре Харгла, как и во многих других эстонских диалектах, наблюдается свойственная всей парадигме склонения этого слова гласная (*kälà* < *kaylan: *käl* 'шея').

Сочетание взрывного звука с глухим *ks* обычно ассимилируется в южной Эстонии в *ss*, причем не только в непосредственно следующем за ударением слоге (*vaš* вместо *vaks* 'пядь'), но и в других заударных слогах (*sünnüs* 'происходит'). В речи представителей самого старшего поколения *s* < *ks* можно услышать также и в форме настоящего времени потенциального наклонения, что наблюдается в довольно редких случаях и в других говорах диалекта выру (*timä läñneš* 'он, может быть, пойдет'). Однако в харгласком говоре мы сталкиваемся и с целым рядом таких слов, в которых, как и в южноэстонском диалекте повсеместно, сочетания *ks* (*paiks* 'толстый') и *ps* (*kops* 'легкое') сохраняются. Сочетания трех согласных звуков (*üks*, *nts*, *lts*, *rts*, *mips*) в харгласком говоре обычно сохраняются, что свойственно и другим

говорам диалекта выру. Сочетание *str* представлено в Харгла южноэстонским вариантом *tr* (*keirämmä* 'прять').

Слабые соответствия взрывных согласных. В ударном слоге предположительные слабые соответствия взрывных согласных в говоре Харгла представлены так же, как и в других южноэстонских диалектах. Развитие *γ и *δ протекает в большинстве случаев параллельно и приводит к одинаковым результатам: они утрачиваются (*māda?* < *maγattak 'спать', *pā* < *paδan 'котла'). В положении после долгого губного гласного, а также оканчивающегося на *u*, *ü* дифтонга в восточной части харглаского говора древние *γ и *δ заменяются звуком *ω* (*rūwà: rûc* 'древнее название пищи', *leÿwà: leÿc* 'челюсть', *lūwà: lûd* 'метла', *laiwà: laid* 'стол, доска'). Подобная замена наблюдается лишь на территории харглаского говора, в то время как в других южноэстонских говорах согласный *ω* заменяет *vv*, причем в западной части харглаского говора в том же положении слышится переходный вариант — нечто среднее между *ω* и *vv*. По всей вероятности, произношение *ω* на месте древних *γ и *δ, сохраняющееся в харгласком говоре, было первоначально характерно для всех южноэстонских говоров. В положении после сонорных, если при этом перед древним *γ стоял гласный заднего ряда, наблюдается утрата этого древнего звука во всех без исключения эстонских диалектах (*jalà* < *jalγan 'ноги').

В словах с гласными переднего ряда древний *γ в харгласком говоре ассимилировался с предыдущим согласным, также как во многих других диалектах (*sällä: sälg* 'спина'). В отдельных словах в тех же условиях древнее *γ вообще не произносится (*jälekkēze?: jalg* 'след'). Подобная утрата *γ наблюдается последовательно в восточной части вырусского диалекта. В сочетании *rγ в харгласком говоре *γ окончательно утрачено (*kärè: kärç*), как и в восточной части диалекта выру, в то время как в других эстонских говорах оно обычно заменяется *j* (*kärjèd* 'соты'). В сочетаниях с носовыми и сонорными древний фрикативный *δ в результате ассимиляции утрачивается (*ma añnà* 'я даю' < **anda-*, *tulla?* < *tulδak 'прийти', *jalà vaÿrēkkēne* 'голень' < *varδe). В сочетаниях *sy, *hy, *hδ фрикативный звук утрачивается во всех без исключения эстонских диалектах. Фрикативный *β переходит в харгласком говоре последовательно в согласный *v* (*aviitamma: avì* 'помощь', *siva?* 'крылья'), что свойственно всему эстонскому языку. В словах с *β в харгласком говоре мы сталкиваемся с обобщением сильной степени значительно чаще, чем в словах с древними *γ и *δ (*ravà päl* 'на болоте' < *raβan), причем подобные формы встречаются больше на западном, чем на восточном участке Харгла (*saivaš* вместо *sāvaš* 'кол'). Сочетание *mβ ассимилировалось в Харгла, как и в других эстонских

говорах, в *mm* (*hañmas* 'зуб'). Сочетание **lβ* повсеместно перешло в *lv* (*keļvāda?* 'годиться'), а **rβ* — в *rv* (*seŗvāttūs* 'напиток'). В положении после слога с второстепенным ударением развитие слабых соответствий взрывных согласных в харгласком говоре совпадает с историей всего эстонского языка, хотя в известных случаях и здесь мы имеем дело с особенностями южноэстонского диалекта. Так, например, в целом ряде глагольных типов древний фрикативный звук **δ* в признаке инфинитива утрачивается, что свойственно многим говорам южной Эстонии (*kanāttā?* вместо *kañnāttāva* 'страдать'). Глаголы с суффиксом *-ise* (< **-itse*) имеют согласную основу в инфинитиве на *-da*, а также в некоторых других формах, что наблюдается также и в финском языке (*neŗista?* 'струиться'). Фрикативный **β* в окончании 3 лица множественного числа настоящего времени **-βat* переходит в Харгла, как и во всех других южноэстонских говорах, в *-va* (*nimā kiruttāva?* 'они пишут'). В западной части говора этот признак настоящего времени *-va* становится общим признаком III лица множественного числа, так как он переходит также и в имперфект изъявительного наклонения и в перфект пересказочного наклонения.

После безударного слога в южноэстонских говорах **γ*, как правило, утрачивается в целом ряде грамматических форм. Из этих форм следует указать прежде всего особую, встречающуюся только на самом южном участке вырусского диалекта форму императива с отрицанием, которая в свое время оканчивалась на **-γok* (*ārū veŗtu* < **ottayok* 'не бери'). В результате утраты древних фрикативных звуков **γ* и **δ* и последующего стяжения гласных звуков долгота подударного слога в слове увеличивается. Этим обстоятельством было вызвано образование III степени долготы (*keŗge* < **kerkedā* 'легкий'), а также удвоение согласных корня в словах с I степенью долготы не только в южноэстонских, но отчасти и в западных эстонских говорах (*heŗpe* << **hopēda* 'серебро'). Удвоение возникало в том случае, если начинающийся с **δ* слог заканчивал собою слово (*ellā?* < **elādäk* 'жить'). В случае если при склонении и спряжении состав слов увеличивался, благодаря присоединению окончания, и **δ* оказывался уже в середине слова, удвоение согласного не происходило, и древний зубной фрикативный звук заменялся согласным *h* (*sacēheŗ puŗru* 'густую кашу'). Подобное явление наблюдается в южной части диалекта выру, в то время как в соседней местности Карула и Урвасте, а также на западном участке Харгла на месте бывшего фрикативного *δ* слышится слоговая пауза (*sacē.ēt*). По всей вероятности, подобному произношению предшествовал — в качестве промежуточного звена — вариант произношения с *h*.

Двойные взрывные в положении после подударного слога употребляются в харгласком говоре в тех же условиях, что

и в эстонском языке повсеместно (*hüü* 'лесной голубь': *hüütü: hüütü, käämä* 'прятать', *jüü* 'напиток', *süüma* 'дремать'). Произношение двойных взрывных в слоге с второстепенным ударением также в основном ничем не отличается от других эстонских говоров (*kapèlik: kapèlikku*), хотя в целом ряде других говоров вырусского диалекта двойные взрывные переходят в этом положении со слабой ступенью чередования в медиальные согласные. Вместе с тем, на территории южноэстонских говоров чередование ступеней взрывных согласных наблюдается также и в том случае, если они следуют за слогом, на который в древности не падало ударение (*ruhik* 'пригоршня': *ruhigu, hiimudu* < *hirmuttoin 'страшный'). Можно предполагать, что это более позднее чередование ступеней — явление, параллельное финскому языку, но позже процесс его дальнейшего развития приостановился (*rāmaätun* вместо ожидаемого *rāmàdun* 'в книге').

На месте исчезнувших на всей территории эстонского языка конечных взрывных *k* и *t* в вырусском диалекте слышится гортанный взрывной согласный звук (*kā?* < *kodok 'домой', *pā?* < *pāt* 'головы'). Наличие этого ларингального конечного звука также и в харгласком говоре заставляет причислить последний именно к вырусскому диалекту. В Харгла к типу слов *kaste* прикнули также прежние слова на *h* — в восточной части диалекта выру это конечное *h* еще сохраняется (*ime?* вместо *imeh* 'чудо'). Западнее Харгла такой гортанный взрывной звук можно услышать лишь в Карула.

Аффрикаты. В главе «Аффрикаты» рассматриваются слова, в которых встречается сочетание *ts*. Начальная аффриката, являющаяся общей фонетической особенностью карельского и вепского языков и южноэстонского диалекта, сохраняется до сих пор как в харгласком говоре, так и в восточной части южноэстонского диалекта (*tsirik* 'птица', *tsukleüma* 'купаться'). Начальная аффриката в южноэстонских говорах в основном представляет собою дальнейшее развитие палатальной аффрикаты *č*. Можно предполагать, что в данном случае мы имеем дело со смешением и совпадением палатального и какуминального рядов, как и в других финно-угорских языках. Второй вид смешения и совпадения связан с фонемой *s*, и поэтому в южноэстонских говорах аффриката в известных случаях имеет секундарное происхождение (*tsiüserc* 'ситцевая юбка', срв. русское *ситец*). Южноэстонской начальной аффрикаты в северноэстонских говорах обычно соответствуют начальные *s* или *t* (*sipleb, tilkuma*).

Южноэстонская аффриката в середине слова в целом ряде случаев является представителем существовавших в свое время в прибалтийско-финском языке-основе согласных звуков — напр. в словах *oüüma* 'искать', *kuüüma* 'звать', *puüüü* 'мелкий'. Этой южноэстонской аффрикаты и в середине слова соответствуют

северноэстонское *s* (*süsi* вместо *hüüzi* 'уголь'), *d* (*udu* вместо *udzü* 'туман') или *tk* (*nõtkuma*, срв. с южноэстонским *neisk* 'падаина'). На месте исходной начальной аффрикаты мы наблюдаем различные замены не только в эстонских говорах, но и в диалектах других финно-угорских языков. Краткая аффриката *dz*, бытующая в говоре Харгла и других южноэстонских говорах, наблюдается лишь в некоторых говорах карельского языка. Эта краткая аффриката подвергается удлинению, как и все другие краткие согласные этого говора, лишь на границе 1 и 2 слога (партитив *utsü* < *utsuda, иллатив *utsu* < *udzuhēn). Все другие закономерности изменения долготы, длительности аффрикаты также ничем не отличаются от аналогичных изменений взрывных согласных харглаского говора (*väits* 'нож': *väidzē*; *jūkk* 'напиток': *jōēi*; *taṗpits* 'деревянная кочерга': *taṗpīdzē*; *unikk* 'куча': *unīou*).

Таким образом, южноэстонская аффриката не является сочетанием согласных *ts*, а существовавшим в древности в финно-угорском языке-основе самостоятельным согласным звуком.

Спиранты. В этой главе рассматриваются согласные *s* и *h*.

В начале слова звук *s*, если не затрагивать истории его происхождения, в харгласком говоре, как и во всех других эстонских говорах, обычно сохраняется. Иногда в говоре мы наблюдаем начальное *s* вместо северноэстонского начального *t* (*saibaš* вместо *teivas*, *sīv* вместо *tiib*). В середине слова *s* сохраняется в положении перед глухим согласным (*vaštān* 'новый'), в то время как перед звонким звуком *s* переходит в *z* (*kāzī* 'рука'), параллельно с переходом одиночного взрывного звука в ряд медиальных согласных. Удвоение *s* происходит при тех же условиях, что и удвоение взрывных согласных звуков. Удвоение *s* в признаке имперфекта наблюдается только на территории вырусского диалекта, причем в таком случае в результате выпадения гласного в середине слова *s* попадает в непосредственное соседство со звонкой согласной (*nimä hämssi?* 'они намакали'). С юго-восточной части вырусского диалекта до территории харглаского говора доходят отдельные слова, состоящие в номинативе единственного числа из двух слогов и оканчивающиеся в этом падеже на *s* (*parhha* < *parahan: *paraš* 'подходящий') — в этих словах в интервокальном положении наблюдается замена *z* согласным *h*. Подобное явление характерно и для южных говоров финского языка. Вместе с тем, в словах этого типа как в харгласком говоре, так и в эстонском языке вообще мы наблюдаем в процессе дальнейшего развития утрату звука *h* (*kārda ala?*: *kāraš* 'стреха'). Всякое двойное *ss*, вне зависимости от его происхождения, подчиняется закону чередования долгот — на равных правах с двойными взрывными согласными (*kaš silē*: *kaš* 'кошка'; *varēze* 'вороны': *varēššēid*).

Появившийся в более поздний период существования прибалтийско-финского языка-основы согласный *h* даже в южноэстонских говорах в начале слова обычно утрачивается — исключение в этом отношении представляет лишь вырусский диалект. Утрата начального *h* охватывает даже западные и северные пограничные участки диалекта выру и дает о себе знать и в западной части харглаской территории (*āvāvī* 'осина'). В восточной части говора начальное *h* сохраняется (*hařmi*? 'серые'), хотя в отдельных словах и в этой местности наблюдается или утрата *h* (*ehvakkene* 'телочка'), или обратное явление, т. е. излишнее употребление этого звука (*hiël* 'злой', срв. финское *ovela*). Кроме того, вторичное *h* наблюдается в некоторых начинающихся обычно с *v* словах (*hõnakkene* 'ягненок', *hũ* 'пояс'). В харгласком говоре, как и в диалекте выру повсеместно, начальному *h* в целом ряде слов соответствует северноэстонское, а также и финское начальное *s* (*hüüzì* вместо *süsi*, *heřgatsiřmi manh* 'у бабки'), что позволяет предполагать, что в отдельных диалектах эта мена согласных в начале слова происходила более последовательно, чем в других диалектах того же языка.

В середине слова в положении после краткой гласной первого слога *h* обычно сохраняется, что характерно для всех эстонских говоров (*pařevoli* 'наизнанку'). Не совсем обычное удвоение согласного *h* в говоре Харгла устанавливается лишь в трехсложных словах типа *kařhär* 'кудрявый'. Свойственное вырусскому диалекту удвоение *h* в форме партитива, а также в форме оканчивающихся на *-*eda* прилагательных до территории Харгла не доходит (*mat_taha lihà* < *lihada 'я хочу мяса', *tahì* < *taheda 'сухой'). Вместе с тем, в харгласком говоре, как и в южных говорах диалекта выру повсеместно, в положении после долгой гласной *h* сохраняется, как и предшествующая этому *h* гласная. В таком случае верхние по образованию гласные не сокращаются (*leiäv lühhe lařkma* 'отдыхать' < *lūhen), в то время как длинные гласные среднего и нижнего подъема сокращаются (*maha*? < *māhen 'наземь', *suhè* < *sōhen 'на болото'). При сильной степени чередования в положении после дифтонгов *h* сохраняется только в вырусском диалекте, а соответственно и в говоре Харгла (*laih* 'худой'); в слабой степени чередования наблюдается при этом метатеза (*lahjä*). В других эстонских говорах в подобных случаях чередования не происходит, причем метатеза свойственна всем формам слова. В харгласком говоре, наряду с вышеуказанными особенностями в произношении *h*, в ряде слов устанавливается утрата предшествующего *h* последнего компонента дифтонгического сочетания или явление метатезы, охватывающее все формы данного слова (*iħ'V* 'конский волос'). Все эти диалектные особенности харглаского говора ставят под сомнение утвержде-

ние Л. Кеттунена, согласно которому в прежнее время *h* было в формах имперфекта образованных от односложных, оканчивающихся на долгую гласную, корней (типа *teije* 'принес'). Сочетание согласных сонорных и *h* наблюдается лишь на территории Выру и в южных говорах тартуского диалекта, но и в этих местностях в этих сочетаниях происходит обычно метатеза, например, *hr* вместо *rh*. Харглаский говор представляет собою в этом отношении известное исключение, так как в нем сохраняется исходный, первоначальный порядок следования согласных *rh* (*karh* 'медведь'), но это сочетание *rh* характерно лишь для сильной степени чередования — в слабой степени также происходит метатеза (*kañrù* < *karhun). Метатеза наблюдается и в группе согласных *lh* (*vehlü* 'шаловливый'). В сочетаниях с носовыми *h* утрачивается, (*vanà* 'старый'), как и во многих других эстонских диалектах. В сочетаниях *hk* и *ht* < *št согласный *h* обычно сохраняется в конце слога перед глухой согласной (*añk* 'серый' : *añà*; *pañd* *pihta* : положил за пазуху' : *pihàn* 'за пазухой'). Не в первом слоге развитие звука *h* представляет собою картину довольно пеструю.

1) *h* сохраняется: а) в морфеме иллатива, если она следует за слогом с второстепенным ударением (*paijustuhe* 'в ивняк'), как и в восточной части диалекта выру вообще; б) в формах глаголов с суффиксом *ht*, образованных от слабой степени чередования основы (*rõgähüs* 'рèв'), что характерно и для других говоров восточной части диалекта выру, причем при сильной степени чередования *ht* ассимилируется в *tt*, как и в западных вырусских говорах (*plahvaätumma* 'взрываться'); с) в падежных формах двухсложных слов, оканчивающихся в номинативе на *h* или *s* (*perhrele* < *perehellen, *varhha ühlèn* 'рано бодрствовать', *pañtti imhmes* 'удивлялись') — подобное явление наблюдается только на юго-востоке территории выру. В основном все вышеуказанные группы согласных подвергаются в западной части вырусского диалекта процессу ассимиляции (*rh* > *rr*, например, *teije parraš* 'сделал впору'; *lh* > *ll*, например, *üllen* 'наверху'; *mh* > *mm*, например, *hamme* 'рубашки'). Типичное для юго-востока диалекта выру сохранение *h* в окончании инессива наблюдается в Харгла сравнительно редко (*tañkahn* 'позади'); несколько западнее и севернее Харгла это явление вообще больше не встречается. Несмотря на все перечисленные особенности, для говора Харгла наиболее характерна именно утрата *h* в следующих за I подударным слогом положениях. В конце слова *h* сохраняется лишь в юго-восточной части диалекта выру — западнее этого участка наблюдается переход подобных оканчивающихся на *h* слов в группу слов с конечным ларингальным звуком. К этим же говорам относится и говор Харгла (*mure²* < *mureh 'горè'), причем

территория Харгла является западной границей употребления и распространения подобных слов на ларингальное². О более позднем происхождении ларингального окончания свидетельствуют формы склонения и изменения подобных слов (*murhhe* < *murehen), а также образованная в результате метатезы форма слова *terhve* 'здоровый'.

Носовые *m* и *n* сохраняются в Харгла, как и в эстонском языке вообще, в начале и середине слова. Согласный *η* наблюдается лишь в середине слова, что опять-таки свойственно всему эстонскому языку. Наряду с этими общеэстонскими чертами в говоре Харгла наблюдаются и местные — южноэстонские или еще уже, т. е. вырусские — звуковые особенности в развитии носовых согласных.

Как и в других южноэстонских говорах, *m* сохраняется в суффиксе сравнительной степени *-mv*, если он находится после безударного слога. Если же на предшествующий суффиксу *-mv* слог падает добавочное ударение, согласный *m* утрачивается, что свойственно лишь самой южной полосе южноэстонских говоров. Вполне возможно, что в процессе формирования этой морфемы известную роль играло ударение, а отчасти также аналогия с окончанием партитива (*sürēmv* 'бóльший', как *süänd* 'сердце', *pümehēp* 'темнее', как *pümehet* 'слепого'). Удвоение *m* на границе I и 2 слога носит в Харгла обычный для южноэстонского диалекта характер (*hamme* < *hamehen, *pümmē* < *pimedä 'темный, слепой'). Вместе с тем, удвоение наблюдается и в следующем за ударением признаке инфинитива *-mma* (< *mahen, например, *ahaltamma* 'побелеть') — это явление свойственно восточной части вырусского диалекта. В западной части харглаского говора наблюдается утрата *m* в местоимениях *tiä* 'он' и *niä?* 'они'.

Согласный *n* в Харгла не утрачивается (*vanä* 'старый'), причем в южноэстонских говорах этот звук сохраняется также и в падежных окончаниях существительных на *n*, (*süänd* вместо *südat*, *sēmēnd*), в то время как в северноэстонских говорах подобные слова перешли в группу слов типа *kaste* 'роса'. На границе I и II слога одиночное *n* обычно удваивается. Иногда наблюдаются и присущие вырусскому диалекту случаи выпадения, утраты *n* (*kolmädeḱ keḱda* вместо *kolman-*, *hapḱada?* вместо *hapneda* 'киснуть'). Согласный *η* сохраняется лишь в положении перед палатальным взрывным звуком (*lēvā heḱo* 'запах хлеба': *heḱāi*).

Сонорные. Согласный *r*, как и во всех других эстонских говорах, обычно сохраняется (*kahēcāra?* 'костери'). В середине слова *r* удваивается после краткой гласной, как и другие согласные (*teḱrāv* 'зернистый').

С согласным *l* связано прежде всего такое явление, как ассимилирующее влияние этого сонорного на следующее за ним сла-

бое соответствие взрывных согласных (* $l\gamma > ll$, * $l\delta > ll$), а также на носовой n (* $ln > ll$) и полугласный звук ($lj > ll$, $lv > ll$). Об ассимиляции $lv > ll$ в истории развития звуковой системы эстонского языка до сих пор ничего не упоминалось (*palletma* 'просить', *palv-* срв. финское *palvoa*). В основной части вырусского диалекта в продуктивном глагольном суффиксе *-ele-*, если он находится в положении после слога с второстепенным ударением, наблюдается переход l в ll (*hävendellemä* 'стыдиться'). В известных фонетических условиях l в середине слова удваивается (*hallē tedä* 'мне жалко его' < *haleða).

В результате наблюдающейся в эстонских говорах мены l и n в южноэстонских говорах к словам на n относятся также *nüsmä* вместо *lüksma* 'донть', *leüne?* вместо *leil* 'пар'. Наряду с распространенным повсеместно окончанием адессива на l в наречиях наблюдаются и древние архаичные формы без утраты окончания (*sainä nejakkulla* вместо *seina najal* 'опираясь на стену'). В западной части харглаского говора и к западу от него подобные формы наречий не употребляются. В следующем за главным или дополнительным ударением слоге, представляющем собою окончание аллатива, встречается ll , что свойственно и другим говорам восточной части вырусского диалекта (*segēhelle* 'слепому').

Полугласные. В начале слова обычно j сохраняется, но в отдельных вырусских говорах мы наблюдаем в известных фонетических условиях также и утрату этого звука (*eēi* < *joki 'река'). Если не считать удвоения j (*oijä* < *ojahen* 'в поток'), то в середине слова никаких изменений в употреблении этого звука не устанавливается. В Харгла, как и в целом ряде других эстонских говоров, j имеет склонность утрачиваться в положении перед гласными e и u (*äēt* 'погнанный', *ei mēö?* 'не влияет'). В положении после согласных j может утрачиваться в диалекте выру в сочетании kj (*lačä* < *lakja 'широкий'), обуславливая и вызывая вместе с тем палатализацию предшествующего согласного звука. В сочетаниях с $l j$ подвергается ассимиляции — образовавшаяся удвоенная согласная ll также при этом палатализуется, как и на части территории эстонского языка вообще. В Харгла палатализация при подобного рода ассимиляции наблюдается не последовательно, ее может и не быть (*nellä nulkka* 'в четырехугольник'), как и в диалектах выру и тарту. Для восточной части диалекта выру характерно и сокращение этой удвоенной согласной (*nelä* 'четырёх'), но до Харгла подобные формы не доходят. Свойственное эстонскому языку сохранение древнего сочетания rj наблюдается также и в говорах Харгла и Карула, что отличает эти участки вырусского диалекта от его восточной части, так как здесь при слабой ступени чередования мы имеем дело с переходом $rj > r$. Вместе с тем, если после этого сочетания стоит гласный u ,

то полугласный *j* утрачивается также и на территории говора Харгла (*karuš* 'пастух'). Обычно *j* утрачивается в харгласком говоре, как и в диалекте выру повсеместно, также и в слабой ступени чередования слов на *sj* (*oža?* < *osjat 'хвощи'). Сочетание *hj* в Харгла, как и в других западных говорах диалекта выру, сохраняется (*kuhjä* 'стога') — в восточной части в тех же словах при слабой ступени чередования полугласный звук утрачивается.

Начальное *v* в харгласком говоре обычно сохраняется, хотя в некоторых небольших группах слов *v* иногда заменяется звуком *h* (*hü* вместо *vöö* 'пояс'). В середине слова *v* также в большинстве случаев не утрачивается, подчиняясь свойственным диалекту выру закономерностям удвоения согласных (*üvva* < *jüvada 'зерно'). В эстонском языке сильно сказывается тенденция утраты *v* в положении перед губной гласной. В словах с чередованием ступеней *v* утрачивается только в форме со слабой ступеню чередования (*ülè kàò* < *kaiuvun 'через колодец'), в то время как в словах без чередования утрата наблюдается во всех формах слова (*aiju?* 'ajud', срв. финское *aivot* 'мозги': *kazumahe* вместо *kasvama* 'расти'). В словах типа *sau* < *savu 'дым' в формах с удвоенными согласными звуками слышится вставочное *w* (*sauwu täüz* < *savuda), которое, по-видимому, играет роль средства сохранения границ двух соседних слогов. Если в сочетаниях *rv* и *sv* под влиянием соседней губной гласной утрачивается согласный *v*, то первые компоненты, т. е. *r* и *s*, удваиваются — аналогично с другим одиночным согласным звуком (*aŗrù aŗnma* 'отчитываться', срв. финское *arvo*; *kaŗsu?* 'kasvada'). В харгласком говоре наблюдаются также и другие случаи утраты *v*, а также процессы ассимиляции с соседними согласными. Вместе с тем, *v* фигурирует также и в качестве замены древнего фрикативного *β. В ряде случаев *v* развивается на месте второго компонента дифтонгических сочетаний, причем в таких словах наблюдается также метатеза звуков (*lahva* 'приветливый', срв. финское *lauha*). Иногда *v* представляет собою вставочный элемент (*ma leüwä*: *leüdmä* 'находить'). В результате мены *m* и *v* в харгласком говоре, как и в многих других говорах диалекта выру, в целом ряде слов произносится *m* вместо *v* (*tümeſt* вместо *tüveſt* 'из ствола'; *ŗim* вместо *riiv* 'терка').

Палатализация. В главе «Палатализация согласных» рассматриваются явления дополнительной артикуляции, возникающей в результате того, что палатальная артикуляция *i* или *j* вызывает более палатальную артикуляцию также и в образовании соседнего согласного звука. Смягчение согласных в эстонских говорах имеет различный характер, причем в некоторых местностях палатализация вообще отсутствует. Особенно много специфических особенностей, сравнительно с другими эстонскими гово-

рами, устанавливается в палатализации вырусского диалекта. Так, например, в диалекте выру, а следовательно и в харгласком говоре, перед *i* и *j* могут смягчаться все без исключения согласные звуки (*karî* вместо *kari* 'стадо'). Палатализованная согласная в конце слова свидетельствует о том, что в свое время это слово оканчивалось на *i*. В результате утраты этого конечного *i* в харгласком говоре, как и в вырусском диалекте вообще, смягчается также и следующий за долгой гласной согласный звук (*tâl* < *tûli 'ветер'). В других эстонских говорах палатализация в этой позиции уже окончательно утрачена (*tâl*). Гласный *i* оказывал палатализирующее влияние также и в первом слоге (*kozâl* 'борть' < *kozali). Вырусской диалектной особенностью палатализации согласных следует считать также и форму номинатива с удвоением согласных основы у таких слов, которые в генитиве оканчиваются на *a* или *e* (*mattâl* 'низкий': *mavàle*). По всей вероятности, в древности номинатив подобных слов оканчивался на гласный *i*. В Харгла, Карула, а также в говоре лейву сочетание *iu* > *û*, причем на этот процесс развития древнего сочетания указывает сохраняющаяся до сих пор в говорах этих мест палатализация предшествующего согласного звука, происходившая в древности под влиянием последующего дифтонга *iu* (*kûzaimma* < *kiusamahen 'досаждать'). Вместе с тем, в диалекте выру, а также и в харгласком говоре мы наблюдаем обычно смягчение обеих частей двойных взрывных согласных, т. е. палатализацию всей группы согласных, хотя знак смягчения при этом ставится только на первой согласной сочетания звуков (*koõpittunu?* 'становился затхлым', *rañtshirz* 'венец'). Палатализация согласных вызывается также и последующим *j* (*lâts karja* 'ходил за стадом'). В случае утраты *j* палатализация предшествующего звука может иногда сохраняться (*laçà* < *lakja, *varu* 'тень'). Наряду со случаями палатализации, вызванными влиянием последующих *i* и *j*, в вырусском диалекте палатальное произношение согласных наблюдается иногда и перед гласными переднего ряда — как в начале, так и в середине слова (*šûm,aiç* вместо *sõõmaaeg* 'утренний завтрак', *kûlm* 'холодный', *keçoe* 'легкий'). Подобные случаи палатализации также наблюдаются почти на всей территории эстонского языка, но относительно смягчения согласных перед передними гласными мы не имеем до сих пор никаких с научной точки зрения удовлетворительных объяснений.

* *
*

Собранный на трех отдельных участках территории Харгла диалектный материал свидетельствует о том, что говор прихода Харгла не совсем однороден. Некоторые употребительные и ха-

рактерные для восточного участка, т. е. для Мынисте, формы и звуковые черты в западной части говора, в Койккюла, или близки к исчезновению, или окончательно утрачены. Нередко здесь эти восточные про происхождению варианты употребляются параллельно с более обычными для западного участка харглаского говора западно-диалектными формами.

Отметим следующие наиболее существенные различия между речью жителей в западной и восточной части бывшего прихода Харгла.

1. Закон удвоения согласных (геминация) в Мынисте и Тахева охватывает все без исключения группы слов, в то время как в Койккюла, также как и в переходных мультги-тартуских говорах, на которых говорят жители соседней западной и северной переходной полосы, этот закон удвоения согласных не охватывает формы инфинитива на *-da* [*lukke?* (Мынисте, Тахева), *lukke?* ~ *lugede?* (Койккюла)]. Утрата удвоения согласных наблюдается в Койккюла также и в целом ряде случаев в формах партитива и генитива (*vicāzīb* вместо *vikki* 'ошибки', *jeēde* 'рек' и др.).

В Мынисте, а отчасти и в Тахева в том случае, если перед признаком инфинитива на *-ta* находится слог с второстепенным ударением, этот признак инфинитива удваивается и звучит как *-tma* [*kiruūtma* (Мынисте) ~ *kiruūtēme* (Тахева)]. В Койккюла в подобных случаях удвоения согласной не наблюдается (*kiruūtēme* 'писать').

2. В Мынисте и Тахева наблюдается последовательное чередование ступеней в положении после безударного слога также и в том случае, если в этой позиции находятся двойные взрывные согласные, двойное *ss* и аффрикаты (*kaņep* 'конопля': *kaņēvi*, *varēš*: *varēze*, *taṗpits*: *taṗpivze*), в то время как в Койккюла подобные формы представляют собою лишь параллельные варианты встречающихся на всей территории эстонского языка форм *kaņēpi*, *varēšše*, *taṗpitše*.

3. В Мынисте и Тахева при произношении долгих губных гласных, а также оканчивающихся на *u* и *ü* дифтонгов, за которыми следовало *γ, *δ, слышится дополнительный звук *ω* (*kaiwēi* 'далеко', *laiwā*). В Койккюла в таких случаях слышится нечто среднее между звуками *ω* ~ *vv*.

4. В Мынисте и Тахева окончание III лица множественного числа на *-va?* (< **-bat*) наблюдается лишь в формах настоящего времени (*nimā aṅvava* (Мынисте) 'они дадут'). В Койккюла, как и в других местностях южной Эстонии, то же окончание наблюдается в III лице множественного числа простого прошедшего времени (*niä aṅvzeve* 'они давали'), а также в прошедшем времени при передаче косвенной речи (*niä keṅēlnuve* 'говорят, как будто бы они разговаривали').

5. В Мынисте, а отчасти и в Тахева на месте древнего интервокального спиранта *ð, произносится звук *h* (*licèhès* 'мокрым'); в Койккюла и соседних местностях (Карула и Урвасте) в том же положении наблюдается межслоговая пауза (*licè ès*).

6. В Мынисте гортанные взрывные звуки в конце слова произносятся значительно сильнее и поэтому они слышны лучше, чем в Койккюла (*vana* 'старые'). В речи жителей Мынисте эта произносительная особенность сказывается сравнительно чаще, чем в западной части того же говора.

7. В восточной части территории Харгла *h* в большинстве случаев сохраняется: а) в начале слова (*hañi* 'гусь', *häjèrmä* 'цветы'), б) в группе согласных *rh*, если эти согласные находятся в слоге, следующем непосредственно за главным подударным слогом (*karh* 'медведь'), с) в середине двухсложных слов, оканчивающихся на *s* или *h* (*purhra* 'стамески', *perhhele* 'семье'), д) в словах, образованных от слабой ступени чередования глагольного суффикса *ht* (*païcàhuš* 'выстрел'), е) в окончании иллатива (*tulèmahe* 'приходить', *ilüzahe* 'красиво').

В Койккюла во всех указанных положениях *h* в основном уже утратилось (например в начале слова, в двухсложных словах на *s* и *h*, в слабой ступени суффикса *ht*); иногда *h* заменяется другой морфемой, как например в форме иллатива (*ilüzadè ~ ilüzalè*), или же происходит метатеза с предшествующим звуком (*kahrü*).

8. В Койккюла второй компонент дифтонга меняется местами с последующим *h*, причем подобная метатеза типична и для диалектов мульги и тарту. Исходное положение звуков сохраняется при сильной ступени чередования в восточной части харглаского говора (*laih* 'худой': *lahjä*).

Многие приведенные выше примеры указывают на то, что различия между отдельными участками харглаского говора обусловлены выравниванием диалектной речи этих мест. Об этом свидетельствует, например, наличие параллельных вариантов произношения и формообразования, а также двойные названия в лексике (*huñt ~ suzi* 'волк'). На месте выпавшего *h* нередко сохраняется межслоговая пауза, или граница (*licè ès*, *païcà uš*), которая со своей стороны служит подтверждением того, что в Койккюла *h* было утрачено в сравнительно позднее время. Койккюла, говор которой в прежнее время был в сильной степени похож на другие говоры выру, превратилась постепенно в территорию с переходными тарту-мульгискими говорами. О переходном характере говоров свидетельствуют не только параллельные варианты произношения, но и двойные морфемы слов, которые также типичны для речи жителей Койккюла (напр. *tettüt* вместо *teñ* 'сделанный', *kacü kükkiži* 'кукушка куковала' вместо *kük*, *eläñtipi* вместо *eläñti* 'жили', *kušutepèš* вместо *kušutèš* 'зовут' и др.).

Причина, обуславливавшая и до сих пор обуславливающая более быстрый темп ассимиляции западной части харглаского говора, ее большую подверженность юго-западноэстонскому языковому влиянию, кроется в особом географическом положении этой местности. Ближайшим большим центром Койккюла является город Валга, который расположен от Койккюла на расстоянии нескольких десятков километров, но находится уже на территории тартуского диалекта. Кроме того, город Валга уже с давних пор является для местных жителей уездным городом. Границы этого уезда передвигались то несколько на запад, то на восток, но эти изменения не коснулись Койккюла, которая и в последнее время входила в состав Валгаского района, в то время как территория Мынисте отошла к Антсласкому району. Мы знаем, что Койккюла находится на крайнем западном участке вырусского диалекта, в непосредственном соседстве с границей северной и западной части южноэстонского диалекта, причем жители этой бывшей волости в свое время могли общаться лишь с теми местностями, которые расположены от них в западном направлении. Именно поэтому и говор этих мест ассимилировался значительно быстрее, чем расположенные восточнее говоры Мынисте и Тахева. Все это еще раз подчеркивает значение исторически сложившихся путей общения носителей диалектов, обуславливающих или сохранение говора, или, как в вышеприведенном случае, его постепенную нивелировку, а затем и окончательную утрату.

Влияние западной ветви южноэстонского диалекта, само собою разумеется, проникало и за пределы Койккюла. Охватывая все меньшее число особенностей, оно сказывалось и на говоре Тахева, а через Тахева доходило до Мынисте. Так, например, в говор Тахева проникла свойственная диалекту мультги и встречающаяся также в западной части туртуского диалекта редукция гласных в первом слоге. По этой редукции гласных можно сразу же отличить речь жителей Тахева от соседнего более восточного говора жителей Мынисте. Вместе с тем, в Тахева проходит граница употребления начального *h*, которое характерно для восточной части харглаского говора.

Кроме вышеуказанных особенностей, за пределы Койккюла проникли также и другие западные диалектные влияния, обусловившие следующие явления ассимиляции согласных.

1. Звук *h* в харгласком говоре на границе I и II слога удвоению не подвергается — исключение в этом отношении представляют лишь трехсложные слова (например *kahhìn* 'шелест'). Во всех других говорах вырусского диалекта *h* в полной мере подвергается закону удвоения согласных.

2. На границе I и II слога в группе согласных *nh* согласный *h* утрачивается, как и в большинстве западно-вырусских говоров (*vana* 'старый'). Восточнее, в говоре сету и отдельных островках говоров, встречаются формы с метатезой, например *vahn* и др.

3. Суффикс *ht*, образующий глаголы со значением мгновенного, моментального действия, в сильной степени чередования ассимилируется в *tt* на всех участках харглаского говора (*paŷ-gaŷtuŷma* 'хлопнуть'), но в восточной части вырусского диалекта *ht* сохраняется (*paŷcahtuŷma*).

4. Иллотив на *-de*, характерный прежде всего для тартуского диалекта, является преобладающей формой и в говоре Тахева (*uniŷkkuŷde* 'в кучу'), но наряду с этим окончанием, хотя и значительно реже, встречается и морфема *-he* (*läŷtehe* 'в родник'). Для восточной части вырусского диалекта типична форма на *-he*.

5. Инессив обычно оканчивается на *n*, также как и в соседних западных и северных говорах (*koŷtun* 'дома'). Только в Мынисте в односложных и трехсложных словах — в довольно редких случаях — образуется и форма на *hn* (*sühn* 'во рту', *täkkahn* 'за'), причем в односложных словах возможна и морфема с метатезой (*sihn* 'здесь', *tanh* 'там').

6. В конце слова в харгласком говоре *h* или утрачивается, или заменяется гортанным взрывным звуком (*pere*²). Конечное *h* сохраняется только в крайней восточной полосе вырусского диалекта. Поскольку в словах на *h* в падежных формах *h* сохраняется, можно предполагать, что в прежнее время *h* в харгласком говоре, как и в говоре сету, сохранялось — например, *h* и сейчас произносится в слове *terhvä* 'здоровый', несмотря на происшедшую в группе согласных метатезу.

7. В группе согласных с конечным *j* обычно происходит ассимиляция этого *j* предшествующему согласному звуку, как и в соседних западных говорах (*vällän* 'на дворе'). В восточной части говора местами наблюдается полная утрата *j*, как и в ближайшем для этой территории говоре Рюуге (*azändä* 'напрасно').

Следует отметить, что исчезновение, затухание тех или иных диалектных особенностей и звуковых закономерностей носит в говоре Харгла весьма постепенный характер, и поэтому нет возможности провести четкой и определенной границы между отмеченными выше различиями.

Поскольку в говоре Койкюла сказывается сильное влияние западной ветви южноэстонского диалекта, а в Мынисте устанавливается большое сходство с восточными говорами, то можно было бы предположить, что в Тахева, где скрещиваются диалектные влияния с востока и запада, мы имеем дело с переходным говором. В действительности говор Тахева — если не считать колебаний в произношении, т. е. неустойчивости начального *h* и перехода $a > e$, $ä > e$ в первом слоге — тесно примыкает к говору Мынисте. Вместе с тем отдельные части харглаского говора, несмотря на ассимиляционные особенности его западной ветви, можно объединить в одно целое, причем по своим основным чер-

там этот говор примыкает к диалекту выру. Исходя из этого, а также учитывая его несомненную историческую связь с территорией диалекта выру, харглаский говор и включается в состав именно вырусского диалекта. При определении точных границ распространения харглаского говора мы сталкиваемся с большими трудностями, так как переходы от одного говора к другому происходят постепенно и диалектные различия утрачиваются не сразу, а одно за другим. Сразу же за территориальной границей прихода говор несколько видоизменяется, а еще дальше различия увеличиваются. Целый ряд типичных для говора Харгла диалектных черт встречается в пограничной полосе соседних говоров. Можно лишь с несомненностью утверждать, что западная часть харглаского говора очень сходна с говором Карула, а восточная — с говором Рыуге. Много сходного обнаруживается и с говором диалектного островка лейву, несмотря на то, что на фонетический строй говора лейву оказал очень сильное влияние окружающий его латышский язык.

В восточной части харглаского говора сохраняется довольно много древних архаических черт, несмотря на то, что в результате своего расположения вблизи западной границы вырусского диалекта этот участок подвергался идущим в этом направлении западным влияниям. Архаические особенности сохраняются частично также в непосредственном соседстве с харгласким говором — на пограничных участках Карула, Урвасте, Рыуге, в то время как в других южноэстонских говорах они, как правило, уже утрачены. Отметим следующие встречающиеся в харгласком говоре архаизмы.

1. Взрывные согласные в сочетании с сонорными в номинативе единственного числа некоторых слов сохраняют первоначальную исходную форму — без вставочного гласного звука (*pe̯t̪k* 'олень').

2. В положении после долгой губной гласной или после оканчивающегося на *u, ü* дифтонга на месте первоначального *y или *ð произносится вставочный звук *ω* (*ru̯wā* 'блюда, пищи', *ma le̯wā* 'я найду'). В других местностях южноэстонского диалекта мы имеем дело уже с дальнейшим развитием этого звука: на месте харглаского *ω* всюду произносится *vv* (*ru̯vā, ma le̯vā*).

3. Окончание III лица множественного числа на *-va?* (*-*βat*) употребляется только в настоящем времени изъявительного наклонения — оно не переходит в другие глагольные времена и наклонения — этот переход наблюдается вне Харгла, в других южноэстонских говорах (*nimā a̯ndava?* 'они дадут', *nimā a̯ndi* 'они давали').

4. Имперфект на *i* (*timā tek̄* 'он сделал') является в говоре Харгла господствующей формой.

5. В группе согласных *h* сохраняет свое исходное положение — нет метатезы с предшествующим *r* (*karh*); в других вырусских говорах в таких случаях обычно происходит метатеза (*kaħrũ*).

6. Во II лице императива, а также в отрицательной конструкции в Харгла, а также в соседнем говоре лейву сохраняется древний признак этой формы на *-ga* (*tĩ antkēga* 'давайте').

7. В односложных адвербиализировавшихся формах инессива сохраняется исходное *h* — если при этом в основе была гласная нижнего ряда. В самой морфеме инессива происходит в то же время метатеза — *konh* 'где', *tanh* 'там'. Подобное явление наблюдается только в говоре Харгла.

Наряду с этими сохраняющимися только в Харгла или в граничащих с Харгла местностях архаическими чертами, в нем отмечены также и такие архаические особенности, которые свойственны и другим вырусским говорам. Так, например, в Харгла в отрицательных конструкциях императива употребляются формы без взрывного согласного (*sa ärä aħdu* 'не давай'), личная конструкция пассива (*konà sa haũda paĩdat*, 'когда тебя положат в могилу'); употребляется и древнее потенциальное наклонение (*ei tĩjã kohaš rĩdĩ lãnneš* 'неизвестно, куда Рийди мог бы идти'). В наречиях сохраняется древнее с двойной согласной *ll* окончание адессива — без утраты конечной гласной (*nejak̄kulla* вместо *najal*, *ruçavalla* 'в копнах'). Подобные формы наблюдаются только на самом юго-восточном участке вырусского диалекта.

Древние языковые особенности сохраняются в Харгла наряду с несомненными архаическими чертами в области фольклора и материальной культуры этой местности.

Возникает вопрос, что же способствовало сохранению этих древних особенностей именно здесь, на границе двух подгрупп южноэстонского диалекта? По-видимому, причина этого явления кроется в особом географическом положении Харгла. Мы знаем, что говор этих мест был окружен как с севера, так и с южной стороны незаселенными пространствами и отстоял довольно далеко от городских центров и других более значительных поселений — такое периферийное положение и обусловило сохранение говора. Диалектная специфика не позволяет, однако, сделать какие-либо заключения относительно времени заселения территории и происхождения самого говора.

О древних поселениях эстонских племен несколько южнее современных южных границ Эстонии свидетельствуют местные топонимические названия, а также эстонский диалектный островок лейву, расположенный на территории северной Латвии. Несмотря на то, что в говоре Харгла встречаются сходные с лейву языковые особенности, мы не имеем достаточного основания утверждать, что территория Харгла была заселена эстонцами, жившими

в свое время за пределами южной границы ЭССР, в пределах современной Советской Латвии. Мы можем лишь констатировать, что в результате тесной связи и общения с латышами в язык жителей Харгла вошло много латышских заимствований. Латышское влияние сказывается также в народной поэзии и материальной культуре Харгла. Возможно, что проблема заселения территории Харгла разрешится методом комплексного изучения вопроса, на основании только языковых данных этого сделать невозможно.

Большая часть сохранившихся в харгласком говоре архаических черт встречается также и в ближайших родственных языках, например, императив на *-ga* (*lahkuga* 'пусть они уйдут'), исконная взрывная согласная в конце слога (*pẽr*), сохранение *h* в группе согласных (*karh*) и др. Черты сходства с другими прибалтийско-финскими языками обнаруживаются не только в говоре Харгла и других вырусских говорах, но и в говорах южной Эстонии вообще. К таким характерным для многих южноэстонских говоров особенностям относятся, например, следующие фонетические закономерности: чередование ступеней в положении после безударного слога (*rāmat* 'книга': *rāmādu*), особые формы глаголов с суффиксом *-itse-* (*eñcitseñma* 'удить': *eñcība?*), сходный с финским языком *da*-инфинитив от глаголов с суффиксом *-ise-* (< **-itse-*) (*neřista?*), утрата звука *n* в некоторых образованных при помощи суффикса *-ne-* глагольных формах (*māvāneñmä* 'гнить': *māvā?*) и др.

Сравнение с родственными языками позволяет утверждать, что начальная аффриката в южноэстонских говорах не является результатом иноязычного влияния — она существовала уже в прибалтийско-финском языке-основе. Сочетание согласных *tsk* в таких словах, как *kiiskma*, также нельзя относить к явлениям иноязычного происхождения. Южноэстонская аффриката как в начале, так и в середине слова представляет собою явление общее и с более отдаленными по отношению к эстонскому языку финно-угорскими языками. На ее принадлежность к исконным финно-угорским согласным указывает присущее данному слитному звуку удлинение, аналогично такому же процессу геминации простых согласных звуков (*udzū* 'туман', паритив единственного числа *uřsü*).

При сравнении выясняется, вместе с тем, и то обстоятельство, что в южноэстонских говорах встречается очень много черт сходства именно с северной группой прибалтийско-финских языков (с финским, карельским, вепским языками). Эти элементы сходства представляют собою обычно древние языковые особенности, сохраняющиеся в отдельных местах в настоящее время не соприкасающихся друг с другом родственных языков, что свидетельствует о неравномерности развития древних племенных языков или диалектов. Сходные языковые черты могли возникнуть как

в результате общения племен, так и совершенно самостоятельно, так сказать, параллельно в разных племенных диалектах. С помощью выявления черт языкового сходства и различия мы имеем возможность делать известные выводы относительно путей развития современных родственных языков — особенно важны подобные изыскания в том случае, если на этих языках не сохранилось никаких древних письменных памятников.

В связи с установлением в говоре Харгла известных архаических языковых особенностей, а также черт сходства с родственными языками следует указать и на противоположный процесс ассимиляции говоров, которому в очень сильной степени подвергаются все эстонские диалекты. С каждым поколением говоры все заметнее нивелируются, утрачивая постепенно свои специфические местные особенности. Так, в Харгла речь представителей младшего поколения в очень сильной степени отличается в наши дни от говора стариков — как в фонетическом и морфологическом отношении, так и по словарному составу. Под влиянием литературного языка речь местных жителей постепенно утрачивает свои особенности, а с ними исчезают и диалектные архаизмы. В результате выравнивания диалектов в речи молодежи сейчас почти не встречаются такие местные языковые черты, как чередование ступеней в слогe после безударной гласной и согласной *h* в форме иллатива и инессива; по-видимому, окончательно утраченными следует считать конструкцию с личным пассивом и формы потенциального наклонения; не встречается и окончание абессива на *-lda?*, которое заменяется морфемой *-tta?* ~ *-da?* и т. д. Забываются и значения древних диалектных слов, например, *kolmahalt* 'в старину', *taõpits* и др.

Итак, диалектная речь представителей младшего поколения все заметнее утрачивает характерные черты местного говора, приближаясь во всем к нормированному общенародному языку. В настоящее время происходит процесс окончательного уничтожения и утраты диалектных различий. Несомненно, что в скором будущем диалектологам придется довольствоваться лишь хранящимися в архивах диалектными материалами, которые ни в коей мере не смогут заменить наблюдений над живой разговорной народной речью.

СТАТЬИ,

напечатанные по теме диссертации С. Ниголь:

1. Afrikaadid hargla murrakus. «Emakeele Seltsi Aastaraamat» III, Tallinn 1957, стр. 82—103.
2. *h*-häälik hargla murrakus. «Keele ja Kirjanduse Instituudi Uurimused» II, Tallinn 1958, стр. 118—147.
3. Märkmeid matkalt leivu keelesaarele. «Emakeele Seltsi Aastaraamat» I, Tallinn. 1955, стр. 147—151.

Бесплатно

TÜ RAAMATUKOGU

1 0300 00191022 5